

Любите ли вы театр?

Вет. Ленинград, -1987. - 24 стр.

Когда-то в числе ленинградских театров работал и военноморской. Немало славных, а в блокадные захолустья и героических страниц вписал он в культурную летопись нашего города. В послевоенные годы этот театралыный коллектив перебазировался в Ленинград. И вот Драматический театр дважды Краснознаменного Балтфлота имени В. В. Вишневского приехал к нам на гастроли. Какой же прием оказал своему посетителю город, где он родился и возмужал?

Прямо скажем, ледяной. И не только в буквальном смысле, но и в фигуральном. Неизлечимой стужей встретила дорогих гостей и улицы, и бывшие земляки. Если на детский спектакль театра промерзший зал ДК имени Ф. Э. Дзержинского более или менее заполнился, то на взрослых — зрители пустыми рядами. За редким исключением, не было даже тех зрителей, которых, казалось бы, обязывала прийти хотя бы их профессиональная принадлежность: ни моряков, ни — что особенно поразительно — служителей Мельпомены. Многих, конечно, удержала дома наведомость суровая непогода. Но в ней ли одной дело?

Нельзя не заметить, что традиционное радушие и неподдельный интерес, с которыми наш город встречал едва ли не все приезжавшие к нам театры, в значительной мере утрачены. Ажиотаж с очередями у касс и бурными обсуждениями во Дворце работников искусства сопровождают ныне лишь гастролеров с нахуливающей репутацией (которая, к слову сказать, нередко оказывается неоправданной). Что же касается прочих, то им все реже удается пробить стену холодного безразличия и привлечь к себе внимание, все чаще приходится им играть в полупустых залах, да и то в основном перед всеми правдами и неправдами «организованным» зрителем. Споры нет, падение посещаемости гастрольных спектаклей стоит в связи с общими причинами снижения зрительского интереса к театральному искусству, которое пока что проигрывает в соревновании со столь могущественными конкурентами, как телевидение и эстрада. Сказывается и некое высокомерное пренебрежение к «проевниции». Какое-то отщепенчество подготовлено безрадостным опытом знакомства с коллективами, не достигавшими до порога требовательности и далеко не самым взыскательным слухом ленинградской публики, и вместе с тем продиктовано небезосновательным опасением: если уж в наших театрах так мало отрадного, то чего ожидать от посланных всяких «межведущих углов». В до-революционной Одессе на первое представление любой труппы каждая улица делегировала лишь одного разведчика, покупая ему билет в складчину. Если он объявлял: «Этот-такий стоит посмотреть», на последующие спектакли устремлялись все соседи. Буде же он кричал: «Пусть их сморит Жерника», в театр не шел уже никто. Подобный способ апробации вряд ли является оптимальным, но охотней ли пойдет зритель на неведомых ему гастролеров, о появлении которых сообщают лишь редкие афиши?

Так что понижение градуса наших встреч с малоизвестными театрами других городов вполне объяснимо. Но оправдывают ли нас эти объяснения? И особенно театральную общечеловечность? Когда Алексея Арбузова спросили на его авторском вечере, какую роль он считает наиболее харак-

терной для творческого человека, известный драматург ответил: «Способность восхищаться, проявлять кровную заинтересованность в творчестве своих коллег». Уж кому-кому, а режиссерам, актерам, сценаристам, театроведам и студентам ЛГИТМиКа следовало бы культивировать в себе данное качество. Но, что греха таить, большая часть профессионалов театрального Ленинграда устоявает своим посещением только «престижных» спектаклей. Не спросите ли себя таковыми: «Любите ли вы театр?». Или он превратился лишь в предмет культурных слетов? Куда уходит интерес и соборность по искусству, да и просто чувство элементарной цеховой солидарности? Не маскируют ли смысли на «провинциальность» гостей обыкновенное равнодушие к общему театральному делу? Разве неостает доказательств того, что провинция давно уже перестала быть географическим понятием? Разве не бывает так, что на периферии искусства оказываются и самая расточливая сцена, а за тысячи километров от Москвы в Ленинграде рождаются первоклассные спектакли?

Наглядным подтверждением тому является и приезжавший к нам Лицейский театр. Легко двадцать назад он играл одну из моих пьес, и могу засвидетельствовать, как неузнаваемо, разительно вырос он за эти годы (чего не скажешь, увы, о многих ленинградских театрах).

По-видимому, какая-то часть наших театралов не пришла на его спектакли, думая, что театр Балтфлота ориентирован исключительно на моряков. Между тем он давно уже перерос узкоовоедственные рамки и работает с учетом интересов самой широкой аудитории. Что видно хотя бы из афиши театра, диапазон которой — от Шекспира и Островского до Гельмана и Дозорцева. Отсутствие театральской ограниченности является заслугой сотрудников полтуправления Балтфлота, понимающих, что патристическое воспитание должно выходить на простор всеобщего гражданственности — нравственного разговора со зрителями: и теми, кто еще не надел военную форму, и теми, кто ее носит, и теми, кто ее уже снял, но до конца своих дней должны остаться верными сыновьями и дочерьями своей великой Родины.

С 1984 года коллектив балтфлотовцев возглавила О. Г. Глубокова, ученица замечательного режиссера и педагога М. О. Кнебель. Принято считать, что «режиссер умирает в актере». Когда мне крылатое выражение упомянули при Мейерхольде, он гневно возразил: «Это чтоб я умер? Шныш вач!». Глубокова — тоже из жизнелюбов. Не подменяя автора и не ограничивая самовыражения актеров, она вместе с тем ясно дает почувствовать и свою режиссерскую индивидуальность. Из личностного видения рождается и ответственный замысел. Как остроумно заметил Г. А. Товстоногов, «режиссерский замысел — это то, что можно украсть». Режиссеры, не удостоившиеся посмотреть спектакли Глубоковой, многое потеряли: там было чем «пожачиваться», а если говорить серьезно — чему поучиться.

Но, разумеется, как бы ни был талантлив художественный руководитель, он бессильно без опоры на свой коллектив. Есть в труппе балтфлотовцев бесспорно одаренные артисты: С. Лисовская, В. Лузянин, Н. Зарубин, Н. Овсянник, А. Ко-

лов, В. Гурьев, А. Кахун и другие. А главное — в спектаклях ощущается творческое взаимопонимание режиссуры с постановочным коллективом. Это определяет и закономерный успех таких трудных спектаклей, как «Матушка Кураж» и «Последний посетитель», — и у публики, и у критики, даже такой требовательной, как в Москве и Прибалтике.

Поскольку в Ленинграде с работами театра познакомиться, к сожалению, немногие, вряд ли есть смысл анализировать здесь его постановки. И все же не могу не коснуться хотя бы двух.

«Укрощение строптивой» — ну что, казалось бы, можно добавить нового в прочтение этой известнейшей комедии Шекспира? Тем не менее новое прочтение состоялось. Выдающийся советский режиссер А. Дикий начал работу над каждым спектаклем с вопроса: «Чем удивлять будем?». Очевидно, этим прекрасным правилом руководствуются и балтфлотовцы. Борьба, которую ведут персонажи спектакля за самое высокое из человеческих чувств — любовь, происходит в стихии свободного от догм колорирования жизни. На сцене бурлит ренессансный карнавал! Чего стоит хотя бы такой великолепно найденный прием, как переход диалога в речитатив! Однако при всей солнечно искрящейся и буфонной — шутовской атмосфере (где диалог легко переливается в речитатив), спектакль пронизывают и драматические ноты. Мы ощущаем в нем сочувствие к объектам всяческого «укрощения».

Но особенно явственно звучат трагифарсовые мотивы в спектакле «Слон». Пьеса эта, написанная в начале тридцатых годов погибшим в ленинградскую блокаду драматургом — самородком А. Колковым, назолго была упущана чиновничьей перестраховкой в архив. Тем больше чести театру, который не только возвращает ее зрителю, но и доказывает: она и сейчас не утратила злободневности. Спектакль, поставленный в стиле раешника, смело и выразительно говорит об острых проблемах нашей жизни, показывая, с одной стороны, как вышестоящее пренебрежение естественной жаждой людей жить лучше подрывает в них веру в коммунистический идеал, а с другой — как измена идеалу уродует и принижает человека.

Хотелось бы отметить яркое и точное оформление обоих спектаклей (первого — В. Челпанов, второго — А. Тихоновичев).

Не лишены работы театра и существенных недостатков. Удручает слабая игра некоторых актеров. Бросаются в глаза следы спешки, непроработанности отдельных деталей, смазанность смысловых точек. Упрекну бы я театр и за недостаточную оригинальный подбор репертуара. Впрочем, и указанные минусы не снимают ощущения, что театр Балтфлота находится в стадии позитивного творческих поисков.

Тем огорчительней, что приезд столь интересного коллектива остался почти незамеченным. Этот в аналогичные ему факты, отнюдь не украшающие репутацию театрального Ленинграда, обязывают нас сделать выводы на будущее. Видимо, следует более основательно рекламировать гастролы, не забывать о традициях торжественного их открытия и закрытия. А главное — давайте будем гостеприимными!

Андрей ТАТАРСКИЙ,
драматург